

Выступление на Конференции в АНХ в 2005 году

Егор Гайдар:

Хочу поблагодарить организаторов Конференции за своевременную идею. Наряду с проблемами, порожденными аномально высокими с исторической точки зрения ценами на нефть, которые сегодня стоят перед российским обществом, постимперский синдром – опасная болезнь, угрожающая будущему России. Все страны, называвшие себя империями в начале XX века, до конца XX века не дожили. Обсуждение проблем, с которыми сталкивались две крупнейшие империи, расформированные в XX веке – Британская и Советская мысль полезная.

Опыт относительно мирного роспуска Британской империи рассматривается в качестве образца того, как могут быть расформированы подобные государственные образования. Тем не менее, мы помним, что постимперский синдром активно использовался в британской политике в 1950 годах.

Само Советское руководство не признавало СССР империей. Он действительно был империей необычной. Но сторонники его восстановления регулярно называют его империей. В данном случае я готов им поверить. В среде экономистов рассуждать о том, что твоя страна уникальна – признак дурного тона. Тем не менее, не могу не сказать о том, что роспуск Советского Союза был действительно необычным на фоне опыта пост имперских трансформаций.

Есть разница между заморскими и территориально интегрированными империями. Роспуск территориально интегрированных империй более тяжелый процесс, чем заморских. Это относится к Австро-Венгерской, Германской, Оттоманской, и Российской империям. В этот круг можно включить и Югославию. Югославия не называла себя империей, в полном

смысле этого слова ею не была, но имела сходные черты с империями. Это было мультинациональное авторитарное государство, включающее этнически разнородные территориальные образования.

Во Франции, где расформирование империи прошло очень непросто, после кровопролитных войн, речь шла о необходимости, после ухода из Алжира, эвакуировать примерно 2% населения в метрополию. Это чуть не взорвало французскую демократию. Потребовалось немалое политическое мужество Ш. Де Голя, его коллег, чтобы ее сохранить. Между тем, тогда речь шла об эвакуации административного персонала, работавшего в колониях, о переселенцах, которые жили там два-три поколения. При расформировании территориально интегрированных империй, скажем Австро-венгерской, встает вопрос о судьбе людей, составляющих гораздо больший процент населения метрополии, живущих на своей земле в течении веков, считающих, что они имеют на это полное право, как, скажем, судетские немцы в Богемии.

При роспуске территориально интегрированных империй всегда возникает проблема территориальных претензий. Этот вопрос не имеет простого решения. Как ответить, что важнее, право чехов сохранить целостность Богемии или право судетских немцев жить там, где живут их австрийские или германские собратья? Логического ответа на этот вопрос не существует. Приходится принимать неочевидное решение. Важно, чтобы оно было бескровным. Если оно становится конфликтным, дальше беда.

Многие территориально интегрированные империи были расформированы после военного поражения (скажем Австро-Венгрия). Здесь политический контроль, регулирование межэтнических конфликтов были обеспечены присутствием войск Антанты. В Османской империи поражения сопровождались кровопролитной Турко-Греческой войной. Крах Российской империи привел к гражданской войне, которая унесла миллионы жизней. За распадом Югославии последовала гибель сотен тысяч людей.

Советский Союз – Россия начала 1990-х годов – исключение. Здесь не было ни оккупационных войск, ни военного поражения. При этом расформирование территориально интегрированной империи прошло без полномасштабной гражданской войны. Да, на периферии империи были серьезные конфликты, иногда тяжелые, но кровопролитной гражданской войны не было.

Вопрос, на который не знаю однозначного ответа – почему Советский Союз не пошел по пути Югославии? Ведь там развитие событий носило почти автоматический характер. С. Милошевич отнюдь не глупый человек, понимавший, что если он не поднимет знамя радикального сербского национализма, то его возьмет в руки кто-то другой и именно он будет сидеть в президентской резиденции. Встав на этот путь, приходится сказать, что защищаешь права сербов там, где они являются меньшинствами – в Хорватии, Боснии, Косово. Как только это сделано, у хорватских, боснийских и косовских националистов появляется сильный аргумент в политической риторике. Дальше кровь становится неизбежной.

Почему так не произошло в Советском Союзе – России для меня, участвовавшего в принятии ключевых решений, вопрос серьезный. Мне кажется, что это было обусловлено сочетанием двух факторов. Роль личности в истории нельзя недооценивать. С. Милошевич был лидером Союза коммунистов Сербии. Когда привлекательность коммунистической идеологией была подорвана, он не видел другого выбора в уже не социалистической и еще не демократической стране, кроме того, чтобы сделать основой политической риторики сербский национализм, тему обид сербского народа, ущемления его интересов в Югославии, лидером которой был хорват Тито, несправедливости границ республики. Б. Ельцин был коммунистическим лидером, но он был падшим ангелом, был изгнан из коммунистического руководства, мог позволить себе избрать иной политический путь. Он противопоставлял себя и своих сторонников предшествующему режиму. Второй фактор – наличие на территории ССС

ядерного оружия. Эта тема никогда открыто не поднималась на переговорах, в которых мне доводилось принимать участие, но она всегда подразумевалась. Наличие атомного оружия сыграло при расформировании Советского Союза ту же роль, как и его существование после Второй мировой войны в сдерживании противостояния между блоками. Сам факт его наличия заставлял сдерживать эмоции, искать компромисс.

О постимперском синдроме в России. Спасшая мир легкость расформирования Советского Союза, сегодня играет против тех, кто стремится видеть Россию стабильной демократической страной. Давно известно, что быстро распавшиеся империи порождают больше боли, чем постепенно и медленно трансформирующиеся. Возникает иллюзия, что если что-то столь неожиданно и быстро распалось, то это можно, при наличии воли, столь же быстро воссоздать. Этот идеологический товар был без труда продан на политическом рынке Германии между двумя мировыми войнами. Сегодня его пытаются реализовать в России. Надо признать, не без успеха.

То, что расформирование империи породит серьезные проблемы, было ясно и в начале 1990-х годов. Но мы полагали, что создав базу рыночных институтов, пройдя через трансформационную рецессию, обеспечив динамичный рост экономики и реальных доходов населения, мы сможем преодолеть постимперский синдром. К сожалению, мы ошиблись. Проблема постимперского синдрома это не проблема бедности, экономической депрессии. Когда вы не знаете, как дожить до следующей зарплаты и получите ли вы ее вообще, сохранится ли ваше рабочее место через месяц, вам не до ностальгии по утраченной империи. Когда семь лет регулярно растет реальная заработная плата, вы знаете, что в следующем году она будет выше, чем в этом, угроза безработицы, по меньшей мере в больших городах, не страшна, самое время прийти вечером домой, сесть ужинать, посмотреть телевизор, где вам покажут старый, хороший фильм о том, как наши разведчики всегда были лучшие их шпионов, как мы всегда всех побеждали, какая прекрасная была жизнь при Советском Союзе. Фильм будет хороший.

Правда он изображает не ту жизнь, которая была на деле, а ту, которую заказывал Отдел пропаганды ЦК КПСС, но это не очевидно даже для тех, кто видел советскую реальность. Тогда они были молоды, их любили красивые женщины. На этом фоне хорошо поговорить о том, как мы никогда не были побеждены на поле брани, нам нанесли удар ножом в спину, это сделали предатели-инородцы, они расхитили нашу народную собственность, но теперь мы опять сильны и всем покажем кто главный. Это хорошо идет на политическом рынке. Для того, чтобы преуспеть в пропаганде таких идей, ума или таланта не надо.

Беда в том, что власти, подверженные завораживающей красоте этих построений, начинают делать ошибку за ошибкой. Убедить общество в том, что мы должны восстановить империю, легко. Сделать это невозможно. Когда власти начинают пытаться двигаться в направлении, в котором их толкает общественное мнение, они делают одну ошибку за другой. Без понимания этого, череду ошибок, совершенных Россией в прошлом году в отношениях с странами СНГ понять невозможно. Каждый раз мы делаем ошибки и получаем по морде. После этого думаем, что в этом виновен империализм, мировая закулиса. После этого, еще больше обидевшись, делаем еще одну ошибку. Здесь формируется положительная обратная связь, вещь, как известно, крайне опасная.

Не знаю рецепта, что с этим делать. Не думаю, что кто-либо его знает. В лечении постимперского синдрома могут помочь две вещи. Первое – его публичное обсуждение. Когда ты называешь голого короля голым, есть шанс, что многие поймут, что он действительно не одет. Когда мы поймем, что постимперский синдром – тяжелая болезнь, которой страдаем не только мы, ее перенесли многие другие страны, что ей надо переболеть и не наделять при этом глупостей, опасных для страны и мира, это, на мой взгляд, вклад в то, чтобы справиться с проблемой. Второе – время. Оно лечит. Да, постимперский синдром можно было использовать во внутривнутрипартийной борьбе в Англии в 1950-х годах. Сегодня объяснить английскому студенту,

почему Англия должна была управлять Индией, особенно поднять его на борьбу за то, чтобы Индия снова была английской колонией, задача нерешаемая. Время в лечении этой болезни – важнейший фактор.

Сегодня мы переживаем непростой этап в развитии нашей страны. Важно пройти его, не наделав глупостей. Германии между Мировыми войнами, этого не удалось. Это не означает, что и мы обречены на поражение. Да, чужие ошибки мало чему учат. Но это не повод опускать руки.